

*Почему так
любят
Паустовского?*

ВЕНИАМИН АЛЕКСАНДРОВИЧ КАВЕРИН

русский советский писатель, драматург и сценарист

Почему так любят Паустовского? Почему его книги неизменно вызывают чувство нежности, глубокой симпатии? Почему радостное волнение вспыхивает в любой аудитории, едва упоминается это имя? Можно по-разному ответить на этот вопрос: его любят потому, что его произведения выразительны, полны чистоты. Его любят потому, что он — художник с головы до ног, он артистичен, изящен. Его любят потому, что его книги интересуют всех, потому, что по каждой строке, по каждой странице видно, что ему самому необычайно интересно писать — и это мгновенно передается читателю.

Но дело не только в этом. Мало быть художником, мало умения выразительно, оригинально писать. Чтобы пробудить такую любовь, надо находить в человеческом сердце то самое светлое, что, может быть, давно забыто или потеряно в шуме времени, в сутолоке ежедневных забот.

Паустовский принадлежит к старшему поколению нашей литературы, подошедшему к тому рубежу, с которого видно многое — и то, что совершено, и то, что еще не начиналось. И становится ясным, что почти ничего не пропадает даром, что жизнь писателя со всеми ее тревогами, сомнениями, разочарованиями в конечном счете направлена к тому, чтобы выразить себя до конца, отдать себя другим. Это удастся не многим. Но есть среди нас счастливцы, которые работают не повторяясь, постоянно развиваясь, люди сильной, непреклонной души, подлинными властителями дум, потому что их книги принадлежат всем поколениям. Паустовский один из этих счастливцев. Умение восхищаться — о, какая это редкая, драгоценная черта! Я не знаю, откуда она у Паустовского — от юношеского ли восприятия действительности, или от страстного увлечения людьми? Паустовский без памяти влюблен во все удивительное, необыкновенное. Во всем, что он пишет, звучит эта то далекая, то еле слышная, но отчетливая, чистая нота. Вот почему ему так близко все небывалое, что происходит в нашей стране! Вот почему сказка как бы сама собой звучит в глубине его повестей и рассказов.

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БОНДАРЕВ

русский советский писатель, сценарист и общественный деятель

Сила таланта Паустовского в неизменном ощущении молодой открытости и чистоты его героев, и я беру на себя смелость сказать, что для него критерий морали - красота мира и красота духовная. Нет сомнения, что в этом неотразимость прозы Паустовского и этим объясняется его неугасающая популярность. Он никогда не был «моден» или «немоден» - его читали всегда. Он был далёк от всякой литературной суеты вокруг своего имени, от ложных фейерверков неудержимых восторгов, от фельдмаршалства в искусстве, разрушающих талант любой величины. Иногда меня спрашивают, почему я так люблю Паустовского - ведь он пишет в другой манере, разрабатывает другие темы, его герои не похожи на моих героев. Я люблю Паустовского потому, что именно он, выдающийся мастер, в самом начале моего литературного пути открыл мне изящество, алмазный блеск самого простого слова, потому что я был покорён его любовью к человеку и в его книгах, и в жизни. Есть писатели, наделённые счастливой судьбой: книги их не теряют свежести под воздействием лет и времени и, несмотря ни на что, остаются молодыми. [...]

Паустовский-писатель и Паустовский-человек слиты воедино. Он открыт и щедр как человек. Я несколько не преувеличу, если скажу, что встречи с Паустовским на семинарах в Литературном институте были праздником, которого мы нетерпеливо ждали. Его общение со студентами высекало искру - хотелось писать лучше и хотелось любить жизнь и литературу так же, как он.

Обычно он сидел за кафедрой, низко наклоняясь к листкам рукописи, чуть отставив руку с потухшей папиросой, и говорил тихим, неторопливым, слегка скрипучим голосом - разбирал только что прочитанный студентом рассказ. Он говорил о значении и весомости каждого слова, о выборе единственного эпитета, о ритме прозы, о непостижимом сочетании юмористического и трагедийного, о кратком пейзаже и психологическом контексте. Он говорил о любимых и нелюбимых словах,

которые есть у всех писателей. Он рассказывал об остроте, зоркости и беспощадности писательского глаза. Он говорил о титаническом труде Флобера над фразой, он рассказывал о мастерстве Чехова, Куприна, Бунина. Он иногда сердился, внешне это было почти незаметно. Но фраза, сказанная им: «Это не проза, это перекачивание булыжников по мостовой», говорила о том, что прочитанный рассказ студента написан торопливо, неряшливо, без любви к слову.

Однако, сам будучи превосходным стилистом, он был терпим к разным стилевым направлениям, к разным средствам выражения, он никому не навязывал своей манеры письма. Но он был нетерпим к рационалистической манере «чистописания», к той академической гладкописи, которая навеивает ощущение пыльной пустоты покинутого навек дома.

Довольно часто, разбирая сюжет, коллизию того или иного рассказа, он начинал вспоминать различные случаи из своей жизни, всегда удивительно интересные, полные юмора и неожиданных поворотов. И когда смеялся, морщинки доброты звёздочками собирались возле век, и он, оглядывая нас, неторопливо чиркал спичкой по коробку, зажигая забытую папиросу. Он рассказывал нам готовые новеллы из своей жизни, и устные эти новеллы, уже тронутые писательским домыслом, были настолько хороши, что я глубоко жалею - он не все их успел записать и опубликовать позднее.

Слушая Паустовского на семинарах, мы впервые понимали, что творчество писателя, его путь - это не бетонированная дорога с лёгкой прямизной, это не лавры самодовольства, не честолюбивый литературный нимб, по эстрадные аплодисменты, не удовольствия жизни. А это - «сладкая каторга» человека, судьбой и талантом каждодневно прикованного к столу.

ИЛЬЯ ИСААКОВИЧ РЕЙДЕРМАН

поэт, философ, культуролог, музыкальный критик

Паустовский был хорошим писателем. Мало ли хороших писателей? Он был благородным человеком, не запятнавшим себя. Такое сочетание превращает писателя в русского интеллигента. А интеллигент – это не интеллектуал, не профессионал «умственного труда», он ещё и совестлив, ему свойственно «нетерпение сердца», он жаждет свершения идеального в самой жизни, он романтик. Я хочу обозначить масштаб чувств человека, которого мы вправе называть духовным (хотя нет сегодня слова более затрепанного и менее понятного, чем духовность). И глядя на портрет Константина Георгиевича в Литературном музее, я вижу благородство и твёрдость духа, и понимаю скрытый трагизм и скорбь. Это не бытовая, а «мировая скорбь», *Weltschmerz*, как говорили в начале 19 века. Ибо «мир треснул пополам, и трещина прошла через сердце поэта» – как некогда воскликнул Гейне.

Мы, шестидесятники – любили Паустовского, ибо и сами были романтиками. «А он просил огня, огня, забыв, что он бумажный» – пел Окуджава. Спустя пятьдесят лет мне кажется, что у Паустовского были две главные темы: природа и культура. Романтизм – это культура как религия.

Сегодня, когда культура рухнула – важно поднять с земли то, что свалено в необозримую кучу. Важно снова поверить «словам на бумаге», поняв, что это нечто большее, чем слова, «тексты». Эпоха наша самая что ни есть антиромантическая, но если что-то кажется решительно вышедшим из моды – у него есть шанс вернуться в новом виде, преображённым.

Я как-то почти шутливо писал о Романтизме-3, в отличие от первой и второй волн романтизма. Романтизм-3 – лишён иллюзий, трезво глядит «на непроглядный ужас жизни» (Блок), и всё же ... тайно верит в то, что «жизнь просторна втихомолку», что в ней возможно преображение существования в бытие. Жизнь выходит из рамок быта и снова становится чудом и тайной. Роза может быть золотой. А может быть и живой.

Константин Александрович Кедров

поэт, доктор философских наук, философ и литературный критик

Его проза взволновала Бунина. И не случайно. В первых главах “Повести о жизни” Бунин угадал возрождение русской литературы. Он написал из Парижа в Россию трогательное письмо, которое могло для Паустовского выйти боком. Но обошлось. Паустовский всегда был какой-то антисоветский и дореволюционный. Похоже, что в XX веке он находился, как в эмиграции из прошлых времен.

В 1956 году была издана его “Золотая роза”. Книга над временем и поверх всех барьеров. Об Андерсене, о Грине, о художниках всех времен и народов, о творчестве, о вдохновении. Сегодня эта вещь читается, как жития святых, хотя мы-то знаем, что художники отнюдь не святые, скорее наоборот. Но Паустовский писал не о художниках, а о творчестве. Все мимолетное, наносное выведено за скобки. Золотая роза отлита из ювелирной золотой пыли. Такова же и проза Паустовского.

Он всю жизнь менялся. В 30-х годах начинал, как Грин, потом вернулся к бунинскому реализму, а в 60-х вдруг оказался близок к Ильфу и Эренбургу. Его мемуары об одесской литературной школе читаются весело и легко. Бабель, Багрицкий, Олеша, Ильф, Катаев, сам Паустовский предстали здесь прикольной молодежной компанией сотрудников одесской газеты “Моряк”, всем гнездом перекочевавшей в московский “Гудок” и создавших там блестящую, совсем не советскую литературу. Бабеля расстреляли, Багрицкий умер от чахотки, Олеша снился, Ильфа тоже рано унес туберкулез. Остались последние из мигрантов – Катаев и Паустовский, и они достойно плыли по волнам 60-х годов.

Марлен Дитрих, посетившая Советский Союз, встала перед писателем на колени и поцеловала ему руку. Она читала только одну его новеллу — “Телеграмма”.

Сегодня я прошел по крупнейшим книжным магазинам Москвы. Паустовского там нет. Это и странно, и страшно одновременно. Можно не читать “Кара-Бугаз”, “Блистающие облака”, но не прочесть в юности “Золотую розу” – это все равно, что не совсем родиться. Некоторые писатели достигли такого уровня, что их книги переросли литературу, стали явлением природы, неотделимой деталью русского пейзажа. После Бунина такие книги создал Паустовский. Россия без Паустовского — это все равно, что русский пейзаж без нивы. Духовный ландшафт страны искорежен и обезображен. Зигзаги современной книготорговли и современного издания заведут нас в бедуинскую пустыню, где мы уже никогда не найдем и не увидим друг друга.

Впрочем, за Паустовского я спокоен. Его будут читать и через сто лет. Мне просто жалко людей, которые не прочтут его здесь и сейчас. Это чтение оздоравливает, как прогулка после грозы. Вся грязь смыта, вся духота ушла. Дышится легко, и видно только хорошее. Вы скажете, что это взгляд искусственный. Для Паустовского он был естественным.

60-е годы стали не менее знаковым явлением, чем знаменитый Серебряный век. Едва повеяло легкой оттепелью, тут же выяснилось, что под глыбами совдеповского официоза, как зеленая трава подо льдом, перезимовала и вызрела великая культура, не поддающаяся никакому террору. Мир узнал об этом, прочитав “Доктора Живаго”, но Пастернак писал свой роман не в пустыне, а в благодатном оазисе прозы Паустовского. Он искренне надеялся напечатать свой роман в Советском Союзе, ведь напечатал же Паустовский “Повесть о жизни”, где в сущности тот же сюжет. Интеллигент, оставшийся самим собой внутри советской давилки. Жизнь Паустовского сама по себе была таким романом. После литературных беснований Хрущева имя Константина Георгиевича попытались предать забвению при жизни. Задача явно невыполнимая. В каждой интеллигентной семье стоял на полке его шеститомник. Сегодня новая полоса искусственного забвения, вызванная, как нам говорят, всего лишь навсего условиями рынка.

НАЗЫМ ХИКМЕТ

турецкий поэт, прозаик, сценарист, драматург

и общественный деятель

(Из выступления на вечере, посвященном семидесятилетию К. Г. Паустовского)

Я хочу вам коротко сказать — что я уважаю, что я люблю в нашем великом маэстро. Я думаю, что он прежде всего — очень честный человек.

А честность писателя, я считаю, выше, чем талант писателя. И если честность и талант писателя соединяются, как у него, это уже дает образ Паустовского.

Потом я его очень люблю за то, что он так хорошо относится к молодому поколению.

Я думаю, что мы все, старики, старое поколение советских писателей, — а я себя тоже считаю, слава богу, советским писателем... мы все должны учиться у него, как надо относиться к молодому поколению. Потом я очень люблю его бесхитрость, «бесфокусность» его стиля, разговора, его письма. Мне очень дорого, что можно таким прекрасным, прозрачным языком писать, и писать не для того, чтобы удивлять, а писать, чтобы люди просто волновались, любили...

Мне кажется, что в нем есть очень много похожего на среднюю полосу России или на черноморский берег. Он такой же: иногда с красивыми пастельными оттенками или, как Черное море, такой внутренне взволнованный. Вот все его творчество этим меня очень волнует.

Я специально поехал на днях в Тарусу. Константина Георгиевича не было дома, но я полчаса сидел перед его домом и смотрел, смотрел на всю эту природу, которую он так любит, и мне казалось, что вся эта дорога — его рукопись. Это меня очень взволновало. Я очень хотел видеть его. Я очень мало видел его... Но ничего, — я очень мало, почти совсем не видел и Пушкина... но это совсем не мешает мне очень любить Пушкина.

ЮРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ТРИФОНОВ

русский советский писатель, мастер «городской» прозы

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЕ УРОКИ

Должны были пройти годы, чтобы мы убедились, как был прав Паустовский насчет тяжести писательской доли. Особенно если относиться к этой доле так, как относился он. Его отношение к труду писателя было почти мистически уважительное. Любой писатель - пускай маленький, незаметный, ничтожно успевший, но настоящий - был для Константина Георгиевича существом в некотором смысле сверхъестественным. К нему предъявлялись особые требования, к обычным людям не применимые.

Паустовский много думал и писал о людях, создающих книги. В предисловии к собранию своих сочинений на склоне лет он напишет: "Необходимо знать, какие побуждения руководят писателем в его работе. Сила и чистота этих побуждений находятся в прямом отношении или к признанию писателя со стороны народа, или к безразличию и даже прямому отрицанию всего им сделанного".

Демократизм был его природной чертой. Наверно, так же демократичен был Чехов. При всем своем громадном авторитете Константин Георгиевич не стал и не мог стать генералом от литературы. И, надо сказать, ненавидел проявления такого генеральства в других. Тут он находил язвительные слова и беспощадные, злые характеристики, - это я слышал позже, уже не в студенческие времена.

Семинары Паустовского дали нам много. Дело не в каких-то конкретных разборах, словах, примерах, - вернее, не только в них! - но и в том воздухе, который мы впитывали. Если не бояться высокопарных слов, то можно сказать: это был воздух силы и чистоты. То, о чем несколько торжественно заботился Константин Георгиевич, было ему присуще совершенно естественно и для него самого неприметно.

БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ ЧИЧИБАБИН

поэт, лауреат Государственной премии СССР

Паустовский - редкий писатель, который больше откликается на первую половину: "Господи, как хорошо с Тобой". Паустовскому неинтересно было писать о зле, вот неинтересно, понимаете....

В конце 60-ых было время... когда все с упоением наслаждались открытием зла в нашей истории, и поэтому Паустовский казался Солженицыну, Твардовскому и (я должен покаяться) мне писателем легковесным. Ну пишет о природе, о цветочках. о реках, о дожде, когда опубликована повесть об Иване Денисовиче, - вот трагедия, понимаете.. Я потом покаялся в этом, я понял, какой великий, какой замечательный, какой единственный в своем роде писатель Паустовский. Ему неинтересно было писать о зле, он не замечал его, у него было так устроено зрение...

Отворачивался, отстранялся от всего злого, жестокого, безобразного и писал только о прекрасном, о вечном, о Добре. Это нужно очень, поверьте мне, что это очень нужно: нам не хватает такого писателя; я как-то сказал, что он самый первый, самый главный последователь Пушкина... Никто не был в этом: " Господи, как хорошо с Тобой", таким наследником Пушкина в нашей литературе...

ПАУСТОВСКОМУ

Не уподобившись волхвам,
не видя света из-за марева,
я опоздал с любовью к Вам
на столетия без малого.

Но что ни год от Ваших чар
все чаще на душу — о Боже мой —
нисходит светлая печаль
и свежесть вести непошленной.

На море Черном, на Оке ль
мне Ваше слышится дыхание,—
седого юношества хмель
с годами все благоуханнее.

Места, что были Вам милы,
и я люблю безоговорочно:
святое из житейской мглы
выходит ярко и осколочно,—

И тех осколков чистота
все светосней и нетленнее.
О Боже, как юна мечта
и как старо осуществление!

Мир дышит лесом и травой
как бы в прозрачности предутренней,—
нет зренья в прозе мировой
восторженней и целомудренней.

И мне светлее оттого,
что в скуке ль будня, в блеске ль праздника
я столько раз ни одного
не перечитываю классика.

1984

АЛЕКСАНДР ЛАЗАРЕВИЧ ЛЕСС

писатель, журналист, фотокорреспондент и полярник

Константина Георгиевича Паустовского любили все: и те, кому посчастливилось с ним встречаться и дружить, и те, кто никогда не видел писателя и только читал его книги.

Причина всеобщей любви к Паустовскому заключалась, на мой взгляд, в том, что он принадлежал к тем немногим писателям, которые являют собою Личность.

Сам факт физического существования таких литераторов делает нашу повседневную жизнь богаче, содержательнее.

В Паустовском воплотились лучшие черты русского писателя — принципиальность и честность, любовь к людям и преданность родной литературе.